

«О, боже мой!» — пронеслось в мыслях Мари.

Она знала, что ее накажут. Девушка в ужасе упала на пол и задрожала. Она почувствовала, как ее лицо загорелось от стыда.

Это позорное происшествие, постыдная история. Как ужасно выглядит почетная гостя имперского дворца на глазах у целой толпы! Любой аристократ будет навсегда опозорен после такого. Она не мыла волосы неделю, и все это видели!

«На ее месте я бы уже провалилась от стыда».

— Я слышал, что ты больна, но похоже ты окончательно сошла с ума? — Император подошел к окну, осматривая ужасное зрелище — комнату Даён.

Когда он отдёрнул шторы, занавески задрожали. Слуга, разумно последовавший за ним, раздвинул занавески до конца и осторожно открыл окно.

Свежий воздух и свет наполнили комнату. Всем сразу стало легче дышать.

— Сейчас ночь, день или раннее утро? Ты хоть знаешь?

Император удивленно цокнул, но Даён тут же мгновенно свернулась клубочком, крепко зажмурившись от яркого света.

«Фух, это свет. Свет — опасность...»

Как ни странно, императора сильно разгневало это зрелище.

Он хотел схватить одеяло, которое было плотно обернуто вокруг ее тела и оставляло на виду только глаза, нос и рот, и сжечь его.

— Почему ты не ешь? Нет, разве вообще можно поесть в этой пыльной яме? Ты сказала, что заболела? Разумеется, ты больна. Здесь даже диагноз дворцового врача не нужен. Если ты будешь так жить, то неважно, насколько ты здорова, через дня три ты обязательно заболеешь!

— Тебе нужно очистить свой разум. В здоровом теле — здоровый дух, поэтому ты должна как можно чаще находиться на солнце. Тренировка тела — основа жизни, — яростно поучал Император.

Эх, началось.

Слуги в отчаянии склонили головы.

Каждый из помощников императора знал "желудочно-кишечную медицину". Император издевался над людьми безжалостно и бескомпромиссно.

Он был очень красноречив и упорен, и всегда добивался своего. Как только он нацеливался на противника, не останавливался, пока не внушал ему свою точку зрения.

Даже если чиновники не выглядели уставшими и аккуратно сновали туда-сюда, Большой Чемберлен часто видел, как они плакали под конец встречи, в том числе и старшие министры.

— Нет, как мог такой человек, как Император, происходить из Дома Днара, родословного Муги?

Несколько дней назад Император просмотрел подготовленный к принятию проект налоговой реформы и остался им недоволен. Министру финансов пришлось исправлять текст закона, чиновник устал до смерти.

Это было невежливо со стороны вассала, императора нельзя было осуждать. Поэтому у его ближайших помощников всегда было под рукой хотя бы одно лекарство от желудочно-кишечного тракта. Даже сам Великий Чемберлен носил в кармане пузырек.

Более того, в тот день министр финансов был обессилен.

Его план реформ провалился ровно три раза. Терпеливый Император начал лично исправлять ошибки каждой строчки от первой до последней страницы.

На полное исправление ушло больше часа. Между тем не было необходимости объяснять, что дух министра финансов был полностью сломлен.

На 21-м году его бюрократической карьеры в качестве центрального аристократа и главного министра финансов его больше всего огорчало то, что ни одно из слов Императора не было ложью. Должно было случиться что-то из ряда вон выходящее, чтобы Император сказал неправду.

История о молодом работающем чиновнике, которого педантичность Императора довела до слез, быстро стала печально-известной в Императорском дворце.

Однако... Даён, у которой закружилась голова от свежего воздуха, странным образом почувствовала дежавю, когда он продолжил говорить.

Что-то знакомое... Говорит прямо как моя мама.

Даён тихо слушала речь Императора, неловко дотрагиваясь до мочки уха, и очень робко пыталась возражать:

— Эээ... ээм... Но я просто хочу сейчас побыть одна.

Император фыркнул.

Чёрт тебя побери, не двигайся!

Слуги за Большим Чемберленом склонили головы и начали размышлять над ситуацией.

Если первая речь Императора заканчивался возражением, то второй, третий и четвертый монолог приводили обычно к трагическому финалу и полному разгрому оппонента. Так бывало уже много раз.

Но Император, который к тому времени уже собирался начать второй "куплет", нахмурился и прищурился, как будто увидел что-то ужасно неприятное.

Что еще осталось?

Даён одарила Императора невинным, добрым взглядом и попыталась успокоить его неловкой улыбкой.

Однако лицо Михаила стало неописуемо жестким. Он приблизился, посмотрел на Даён и задрожал, как будто больше не мог этого выносить.

Наконец он холодно приказал:

— Кто-нибудь помойте ее.

<http://tl.rulate.ru/book/47673/1313942>